

—

Учебный год в олимпиадном классе начинался рано, сократив долгие летние каникулы до каких-то десяти с лишним дней. Переродившись и прожив это время, Лу Синцзя наконец ощутил некоторую реальность происходящего.

Это, похоже, действительно не сон, иначе почему физика всё ещё доставляет ему столько головной боли?

Он добросовестно перечитал все учебники дома, а также помог Хэ Си найти новую подработку.

Сейчас 2010 год. Онлайн-покупки существуют уже много лет, но они далеко не достигли той процветающей стадии, как в его прошлой жизни. Хотя люди уже начали использовать Taobao и JD.com для онлайн-покупок, это всё ещё находится на самой начальной стадии, и ассортимент товаров очень ограничен.

Лу Синцзя переродился и знал, что в будущем, когда наступит эра интернета, онлайн-бизнес станет отличной возможностью.

Долго размышляя и изучив множество материалов, в итоге он остановился на букетах из сухоцветов.

Традиционные цветочные магазины в основном продают свежие цветы, но с развитием времени обработанные сухоцветы хранятся дольше, не увядают и не выцветают, постепенно занимая значительную долю рынка, становясь новым фаворитом. А Хэ Си, когда у нее нет дел, очень любит возиться с цветами, поэтому у нее есть определенные знания в этой области, и ей будет проще и быстрее начать, чем другим.

Вначале Лу Синцзя с энтузиазмом рассказал об этом Хэ Си, но Хэ Си не приняла это всерьез, посчитав его мимолётным увлечением. Однако Лу Синцзя был настолько настойчив, что и уговаривал, и писал отчет о целесообразности, и она постепенно начала присматриваться к этому рынку.

Хэ Си сама изучила много материалов и обнаружила, что, как и сказал Лу Синцзя, букеты из сухоцветов уже начали пользоваться популярностью за границей, тогда как в Китае эта ниша была ещё пуста. К тому же, с постоянным развитием логистики и курьерской доставки, это действительно была отличная бизнес-возможность.

В конце концов, Хэ Си согласилась выделить небольшую часть семейных средств и решила попробовать.

Насыщенное время всегда пролетает быстро, и вот, незаметно, наступил день начала учебного года.

Вечером перед началом занятий Хэ Си всё ещё связывалась с производителем, а Лу Синцзя один в комнате аккуратно складывал книги, бережно укладывая их в рюкзак.

Завтра он сможет увидеть человека, о котором мечтал две жизни.

Привыкший крепко спать Лу Синцзя впервые страдал бессонницей. Он ворочался в постели до самого рассвета, прежде чем наконец уснуть, и ему снились всякие бессвязные сны.

Цинь Мудун превратился в скачущего по степи жеребца, а Лу Синцзя сидел у него на спине, и они вместе беззаботно играли.

Они бежали всё быстрее и быстрее, быстрее и быстрее, казалось, вот-вот взлетят, как вдруг нехстати прозвенел будильник.

«М-м... ещё две минутки поспать...»

Лу Синцзя небрежно выключил будильник, сонно перевернулся на другой бок и снова погрузился в сладкий сон.

Когда он снова открыл глаза, прошло сорок минут.

Лу Синцзя: «...»

Закрыл глаза, открыл — сорок минут пролетело.

Снова закроет, откроет — и эта жизнь пролетит?

Он опаздывал, поэтому, не обращая внимания ни на что, переоделся, схватил рюкзак и выбежал из дома. Хэ Си остановила его, дав две горячих паровых булочки, чтобы он съел их по дороге.

«Спасибо, мам!» — Лу Синцзя кое-как засунул булочки в рюкзак и поспешно выбежал из дома.

Но когда человек спешит, всё как будто против него. Сегодня, непонятно почему, он очень долго ждал лифт, а он всё не ехал.

Уже почти опаздывая, Лу Синцзя бегом спустился вниз, сел на велосипед и рванул вперед, наконец-то въехав на территорию школы за минуту до звонка.

Он немного отдышался, толкнул велосипед, чтобы припарковать его в велопарковке, и побежал вверх по лестнице.

Для создания тихой учебной атмосферы, олимпиадный класс находился на четвертом этаже, на самом верху учебного корпуса. Лу Синцзя задыхаясь бежал вверх по лестнице, и лишь с большим трудом добрался до класса.

Класс был уже почти полон, но учителя ещё не было.

Некоторые переговаривались шепотом с соседями, некоторые, ни на кого не обращая внимания, усердно писали.

Лу Синцзя своими круглыми глазами оглядел класс и быстро нашел давно желанную фигуру.

Цинь Мудун сидел один в углу заднего ряда класса, его брови были холодны, а сам он низко склонился над книгой.

Толстые материалы покрывали стол, на них были только формулы и теоремы, которые Лу Синцзя даже не мог понять.

Лу Синцзя наконец выдохнул с облегчением, с рюкзаком за спиной вошел в класс и направился прямо к Цинь Мудуну, озарив его сияющей улыбкой: «Цинь Мудун, можно я сяду рядом с тобой?»

Как только он произнес эти слова, ученики вокруг затаили дыхание, и их взгляды тут же устремились в эту сторону.

Хотя олимпиадный класс был новым, все ученики были одного возраста, и большинство из них начали посещать олимпиадные занятия ещё в первом классе старшей школы. Невозможно было не слышать имя Цинь Мудуна. Он всегда был первым по физике в своем классе, и каждый учитель говорил о нем как о сокровище.

Говорят, что он ещё в первом классе старшей школы самостоятельно изучил весь курс университетской физики. Если бы не правило, запрещающее ученикам первого класса старшей школы вступать в национальную сборную, он, вероятно, уже давно бы получил золотую медаль.

Одна девочка тихонько толкнула подругу локтем: «Так вот он, этот Цинь Мудун, такой красавчик!»

Подруга глубоко согласилась: «Да, я так жалею, почему я не села с ним за одну парту?»

Девочка закатила глаза: «Честно говоря, ты бы осмелилась?»

Подруга подумала и серьёзно покачала головой: «...Нет, наверное. Между богом учёбы и такими смертными, как мы, стена. Думаю, я бы замёрзла до смерти, не успев и слова сказать».

У старшеклассников много сплетен, и больше всего их интересовали слухи о гениях.

Цинь Мудун был красив, хорошо учился, но его характер был известен своей холодностью. В своём прежнем классе он всегда сидел один за отдельной партой и всё делал в одиночку.

В возрасте, когда пробуждается любовь, многие девушки тайно отдавали ему свое сердце, а многие парни считали его высокомерным и тайно соперничали с ним.

Цинь Мудун по-прежнему низко склонял голову, не собираясь отвечать, и Лу Синцзя, стоящий рядом, чувствовал себя немного неловко.

Парень, сидевший в первом ряду, обернулся и толкнул его локтем: «Цзяцзя, я видел, что в самом начале класса, кажется, есть ещё одно место, может, ты пока сядешь там?»

Лу Синцзя поднял голову и увидел, что Цю Жуйфэн тоже выбрал олимпиадную физику.

Он благодарно улыбнулся Цю Жуйфэну, но всё же не хотел так просто сдаваться.

Раздался скрип открывающейся двери, и в класс вошёл красивый учитель в очках. Он окинул взглядом класс, и его взгляд, естественно, остановился на Лу Синцзя: «Тот ученик, который всё ещё стоит в самом конце, пожалуйста, найди место и сядь».

Лу Синцзя выдохнул с облегчением и снова приблизился к Цинь Мудуну, спрашивая: «Можно я пока здесь посижу?»

Цинь Мудун по-прежнему молчал, не говоря ни слова.

Через две секунды Лу Синцзя осторожно отодвинул стул: «Значит, это твоё согласие, да?»

Тёмные глаза Цинь Мудуна слегка опустились, и он продолжил читать свой учебник.

Лу Синцзя немного успокоился, послушно сел и достал свои книги.

Учитель-мужчина удовлетворенно кивнул, подошёл к доске и написал своё имя: «Здравствуйте, ученики, я ваш классный руководитель Чжан Чучу. Вы можете называть меня учитель Чжан, или, как предыдущие старшеклассники, Чу Гэ».

Чжан Чучу был известным тренером по олимпиадам в школе. В свое время он поступил в

Университет F через физическую олимпиаду, а после окончания вернулся в свою альма-матер, чтобы продолжить преподавать олимпиадную физику.

Хотя олимпиада официально начиналась во втором классе старшей школы, школа открыла соответствующие олимпиадные курсы для учеников первого класса, чтобы они могли добровольно участвовать в зависимости от своих интересов. Среди преподавателей был и Чжан Чучу.

Он был молод, умел находить общий язык с учениками, а его стиль преподавания был живым и интересным. Многие полюбили физику именно благодаря ему.

Как только он это произнес, некоторые ученики первого класса, слушавшие его раньше, тут же начали шуметь.

«Здравствуйте, Чу Гэ!»

«Добро пожаловать, Чу Гэ!»

«Чу Гэ сегодня такой красавчик!»

...

Чжан Чучу улыбнулся, взглянув на них, зная, что они не имеют злого умысла, и привык к такому общению с учениками.

«Ладно-ладно», — он поднял руку, призывая всех к тишине, — «Хотя большинство из вас уже довольно хорошо разбираются в олимпиадах, на всякий случай я ещё раз всё объясню».

«Запись на предварительный этап олимпиады по физике проходит каждый год в апреле-мае, то есть в следующем семестре. У вас есть целый семестр, чтобы подумать, подходит ли это вам, и стоит ли его выбирать».

«Вы пришли в этот класс с разными целями: кто-то считает физику интересной, кто-то хочет получить дополнительные баллы на вступительных экзаменах. Но я хочу сказать вам, что путь олимпиады нелегок. Это не короткий путь, а лишь ещё одна дорога, по которой вы можете пойти. На этом пути вас ждут трудности и препятствия, трудности и вызовы, но вы также сможете получить радость и славу. Надеюсь, что все сделают рациональный и обдуманный выбор...»

Чжан Чучу мог запросто ладить со всеми в неформальной обстановке, но когда дело доходило до серьезных разговоров, он тоже был мастером. Цю Жуйфэн отодвинул стул назад так, что он уперся в край стола Лу Синцзя. Он слегка откинулся назад и тихо спросил: «Цзяцзя, ты действительно собираешься изучать олимпиадную физику?»

«Да», — Лу Синцзя кивнул, как цыплёнок, клюющий зёрна: «Раз уж пришёл, то не могу уйти».

Чжан Чучу продолжал: «Конечно, поскольку это олимпиадный класс, он также имеет характер отборочного конкурса. Если вы не сможете угнаться за темпом олимпиадного класса, мы, возможно, 'попросим' вас уйти».

Лу Синцзя: «...»

Вспомнив свои 34 балла по физике, он сильно задрожал.

Как бы то ни было, сначала нужно остаться в этом классе.

Чжан Чучу закончил говорить, и утренние занятия тоже должны были скоро закончиться. Он махнул рукой, показывая всем отдохнуть, и широким шагом вышел из класса.

Как только классный руководитель ушел, в классе тут же стало шумно.

Некоторые познакомились друг с другом, некоторые использовали каждую минуту для решения задач.

Лу Синцзя тоже запустил руку в рюкзак, чтобы достать ручку, желая дочитать недочитанный учебник по физике, но вместо этого нащупал две едва теплых паровых булочки.

Непослушный живот как раз вовремя издал урчащий звук.

Многие ученики в классе завтракали, и Лу Синцзя достал свои булочки, принялся есть, одновременно открывая книгу.

За два-три укуса он справился с одной, и тут только вспомнил, что рядом сидит ещё один человек.

Лу Синцзя моргнул, протягивая ему булочку: «Будешь? Моя мама готовила, очень-очень вкусно!»

Он ещё не проглотил свою булочку, щеки были набиты, как у милого хомячка, и никто не осмелился бы отказать такому.

«Не буду».

Цинь Мудун опустил глаза и отказался.

«Ладно...»

Лу Синцзя привык к холодности Цинь Мудуна и не придавал этому особого значения, засунув оставшуюся булочку в рот.

Вскоре прозвенел звонок на урок, и в классе снова воцарилась тишина.

Учебная нагрузка в олимпиадном классе была очень высокой. Ученикам, помимо подготовки к олимпиаде, нужно было успевать по другим предметам, поэтому обычно утром были олимпиадные уроки, а после обеда – другие предметы, расписание было очень плотным.

Сегодня утром был урок Чжан Чучу.

Пять жёстких уроков подряд. Чжан Чучу привык давать большие уроки, объединяя два урока вместе, с коротким пятиминутным перерывом между ними, которого едва хватало набрать воды. Обилие знаний давило как огромная гора.

У Лу Синцзя изначально была слабая база, и, чтобы слушать и конспектировать, он напрягал все свои силы, энергия расходовалась очень быстро, и к одиннадцати утра его живот уже тихонько урчал.

Чжан Чучу велел всем решать задачи, и в классе было очень тихо.

Лу Синцзя огляделся по сторонам, достал из кармана молочную конфету.

С тех пор, как Цинь Мудун в детстве дал ему одну молочную конфету, он полюбил эти сладкие штучки и каждый день носил несколько штук с собой.

Но Хэ Си боялась, что слишком много конфет вредно для зубов, и разрешала ему есть только две в день.

Развернув обертку, Лу Синцзя осторожно сунул конфету в рот. Насыщенный молочный вкус распространился, и он невольно счастливо прищурился.

Действительно очень вкусно!

Зарядившийся энергией Лу Синцзя собирался продолжить битву с морем задач, но, повернув голову, увидел, что Цинь Мудун слегка нахмурился, а его лицо было немного бледным.

«Что с тобой? Тебе нехорошо?»

Лу Синцзя тут же заволновался.

Тонкие губы Цинь Мудуна были сжаты, явно не собираясь ничего говорить.

Лу Синцзя не отчаивался, продолжал осматривать его и вскоре обнаружил, что тот бессознательно держится за живот.

«У тебя болит живот?»

Лу Синцзя смело предположил: «Ты не ел завтрак?»

«...»

Цинь Мудун по-прежнему молчал.

Он всегда не завтракал, боль в желудке давно стала обычным делом, и он уже привык к этому.

Однако в глазах Лу Синцзя было полно беспокойства. Словно искатель сокровищ, он перерыл все карманы, нашел еще одну молочную конфету и осторожно протянул ему: «Есть еще одна, хочешь?»

Цинь Мудун поднял глаза, собираясь отказаться, но встретился с влажными глазами подростка.

В них читалось ожидание, и немного стеснения, будто он давал что-то, но боялся, что ему откажут.

...Слова отказа, которые были уже наготове, вдруг застряли в горле.

Глаза Лу Синцзя изогнулись полумесяцем, и он протянул конфету: «Вот, ешь».

Когда он замер, думая, ему в ладонь сунули молочную конфету.

Она ещё сохраняла тепло тела мальчика.

«...Спасибо».

Помолчав немного, Цинь Мудун опустил глаза и сунул конфету в рот.

Слегка растаявшая молочная конфета прилипла к зубам, и насыщенный сладкий вкус свободно разлился во рту.

—

<http://bllate.org/book/14490/1282426>